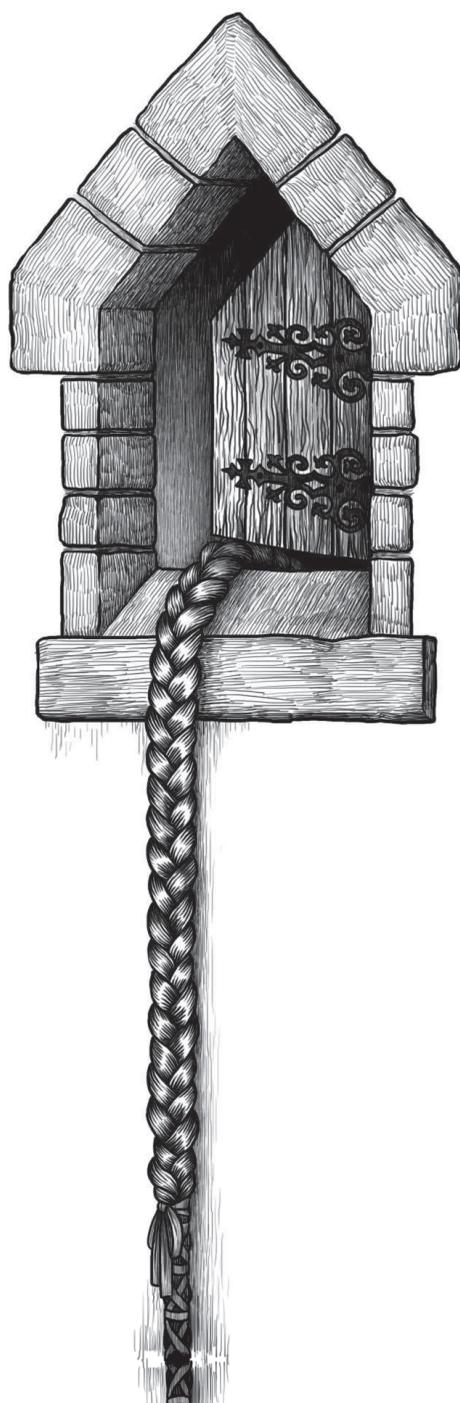

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ

КЕННЕТ БЁ АНДЕРСЕН

•

БЕННИ БЁКЕР

•

Д.К. МОРТЕНСЕН

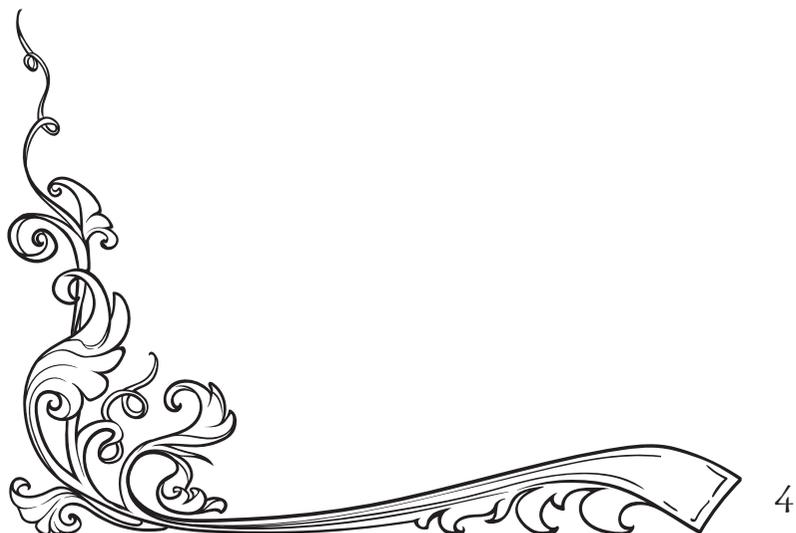
Издательство АСТ

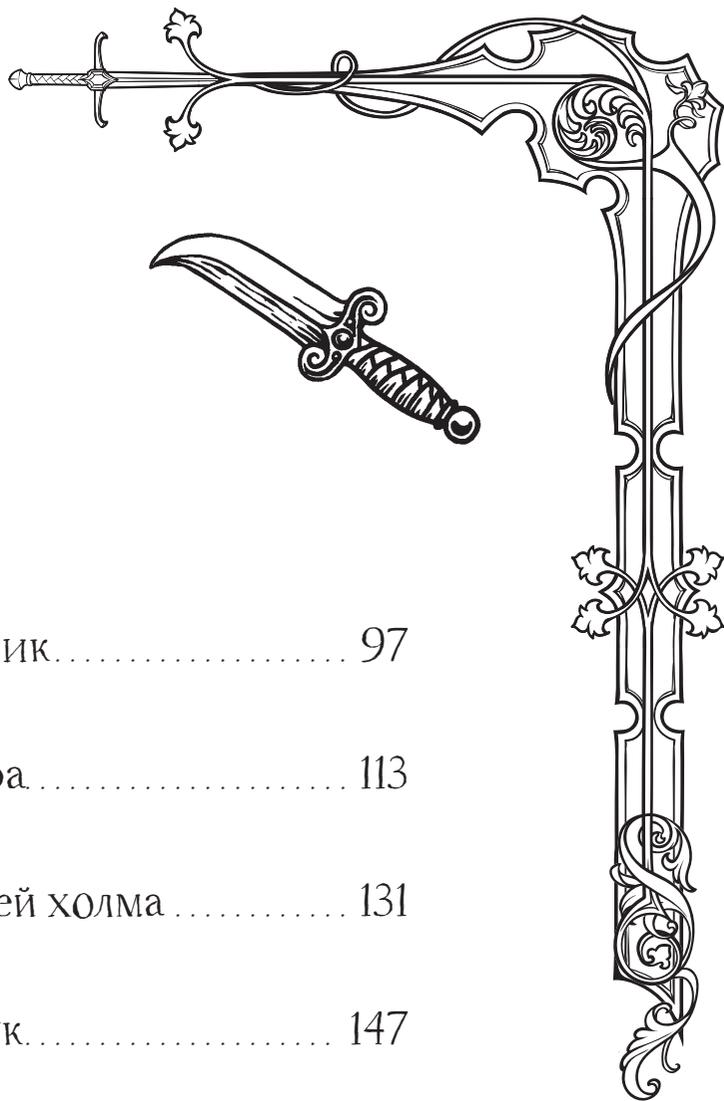
Москва

Содержание

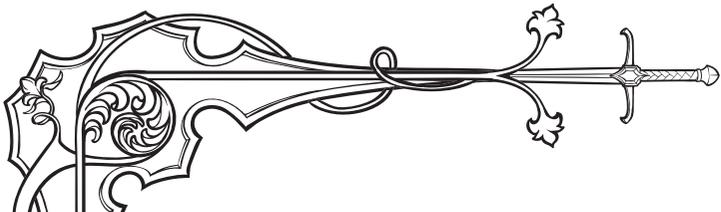
Предисловие	6
Ханс и Грета	9
Поющая косточка.....	27
История про мальчика, который хотел страху учиться....	43
Рапунцель.....	63
Крестник смерти.....	79

Жених-разбойник.....	97
Птичка Фитчера.....	113
Дары обитателей холма.....	131
Девушка без рук.....	147
Красная Шапочка.....	167
Послесловие.....	182

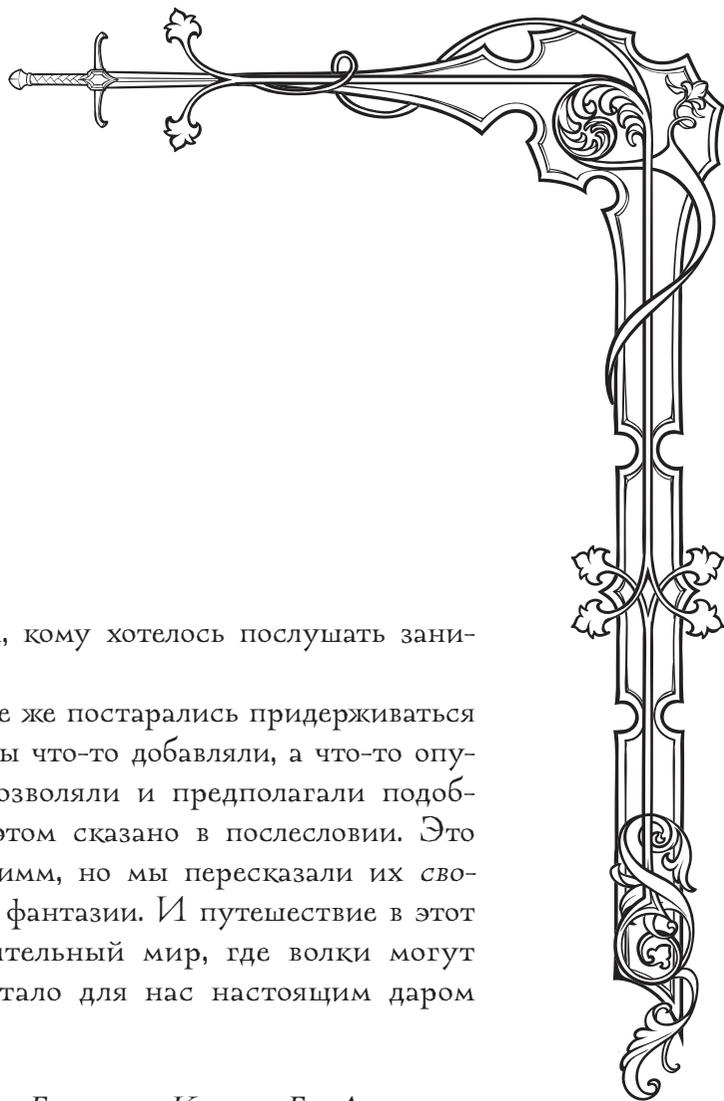

Предисловие

Сказки изменчивы, и такими они были всегда — начиная с древнейших времен, когда первые люди расселись вокруг костра и повели рассказ. Неизвестно, кто придумал эти истории, откуда они взялись, но они существуют во множестве вариантов в разных странах. Нам кажется, что мы знаем сказку про Красную Шапочку вдоль и поперек, но так ли это на самом деле? Останется ли беспечная девочка в живых или погибнет в животе у волка? Сказки, собранные братьями Гримм в Германии в начале XIX века, одни из самых известных и любимых в мире, но именно братья первыми начали постепенно изменять тексты сказок.

Сказки подвижны, для них не существует жестких рамок. Хотя сказки могут начинаться словами «жили-были» и заканчиваться «и жили они долго и счастливо», а могут использовать повторы и магическое число три. Но могут обходиться и без этого. Все правила о том, какой должна быть настоящая сказка, мы придумали *после* того, как перестали рассказывать сказки. Для этой книги мы отобрали десять лучших сказок, написанных братьями Гримм. Эти сказки грубые, жестокие, злые, прекрасные, удивительные, волшебные — эпитеты можно перечислять бесконечно. Кто-то, возможно, возразит — они же адресованы исключительно детям. Ведь это сказки, и некоторые истории братьев Гримм, действительно, со временем стали *слишком* адаптированными для детей. Очеловеченные животные и истории в картинках про Красную Шапочку и Ханса и Грету. Куда же подевалось все жуткое и страшное? Именно это мы, среди прочего, хотим вернуть в сказку. Вернуть тот прежний мир, те первоначальные истории, которые совершенно очевидно предназначались

не только детям, но и всем тем, кому хотелось послушать занимательное повествование.

Сказки подвижны, но мы все же постарались придерживаться первоисточника. Вместе с тем мы что-то добавляли, а что-то опускали в случаях, где сказки позволяли и предполагали подобные изменения. Подробнее об этом сказано в послесловии. Это по-прежнему сказки братьев Гримм, но мы пересказали их своими словами и дали волю своей фантазии. И путешествие в этот волшебный, опасный и поразительный мир, где волки могут разговаривать, а кости петь, стало для нас настоящим даром и наслаждением.

Бенни Бёдкер и Кеннет Бё Андерсен

Ханс и Грета

В вольном пересказе
Кеннета Бё Андерсена

Некотрые истории такие омерзительные, что их и рассказывать-то не хочется. Одна из них начинается на опушке дремучего леса, в домишке бедного дровосека, живущего здесь со своей семьей.

Месяц уже взошел, и двое голодных детишек лежали в постели, пытаясь заснуть.

Грете так хотелось есть, что от голода сводило живот. Ей казалось, что внутри у нее сидит какой-то зверь, он грызет и грызет ее, пытаясь выбраться наружу. И время от времени рычит от отчаяния.

— Вот, — промолвил брат, протягивая ей что-то в темноте. Кусок черствого хлеба. — У меня осталось немного от завтрака.

Ей хотелось бы отказаться. Сказать, чтобы он сам съел хлеб, что он изголодался ничуть не меньше нее. Что у него тоже кожа обтягивает кости.

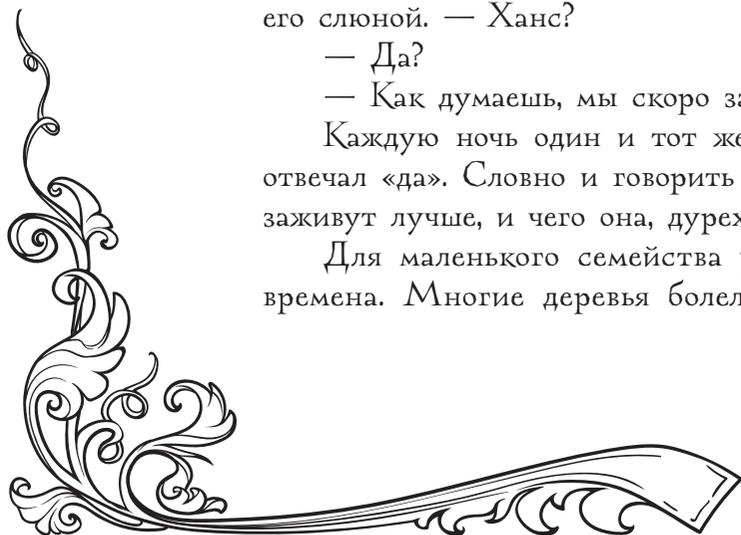
— Спасибо, — ответила она и взяла хлеб. Его было невозможно разжевать, такой он был твердый, и пришлось размягчить его слюной. — Ханс?

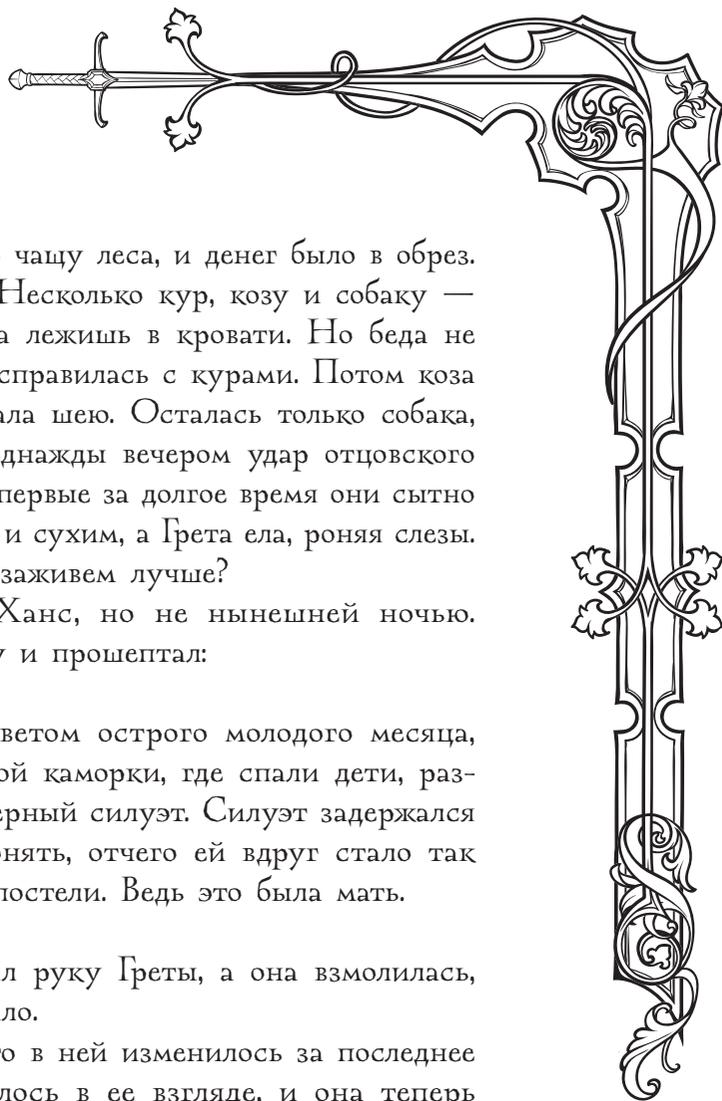
— Да?

— Как думаешь, мы скоро заживем лучше?

Каждую ночь один и тот же вопрос, на который он всегда отвечал «да». Словно и говорить тут не о чем. Конечно же, они заживут лучше, и чего она, дуреха, спрашивает.

Для маленького семейства уже давно наступили тяжелые времена. Многие деревья болели, и в поисках хороших дров

приходилось забираться в самую чащу леса, и денег было в обрез. Когда-то они держали скотину. Несколько кур, козу и собаку — яйца, молоко, тепло ногам, когда лежишь в кровати. Но беда не приходит одна. Сначала лиса расправилась с курами. Потом коза упала с крутого склона и сломала шею. Осталась только собака, но кормить ее стало нечем, и однажды вечером удар отцовского топора пришелся не по дереву. Впервые за долгое время они сытно поели, пусть мясо было жестким и сухим, а Грета ела, роняя слезы.

— Как думаешь, мы скоро заживем лучше?

«Да», — всегда отвечал Ханс, но не нынешней ночью. Сегодня он взял сестру за руку и прошептал:

— Ш-ш-ш...

Где-то в лесу, озаренном светом острого молодого месяца, ухала сова. В домишке, за стеной каморки, где спали дети, раздались шаги. В дверях возник черный силуэт. Силуэт задержался на пороге, и Грета не могла понять, отчего ей вдруг стало так страшно, отчего она замерла в постели. Ведь это была мать.

— Дети, вы спите?

Ханс предостерегающе сжал руку Греты, а она взмолилась, чтобы в животе у нее не заурчало.

Да, это была мать, но что-то в ней изменилось за последнее время. Что-то странное появилось в ее взгляде, и она теперь иначе смотрела на Ханса и Грету. Грета помнила, что таким же взглядом мать смотрела на собаку, когда отец решил...

Силуэт исчез.

— Ханс? — прошептала Грета.

— Ш-ш-ш...

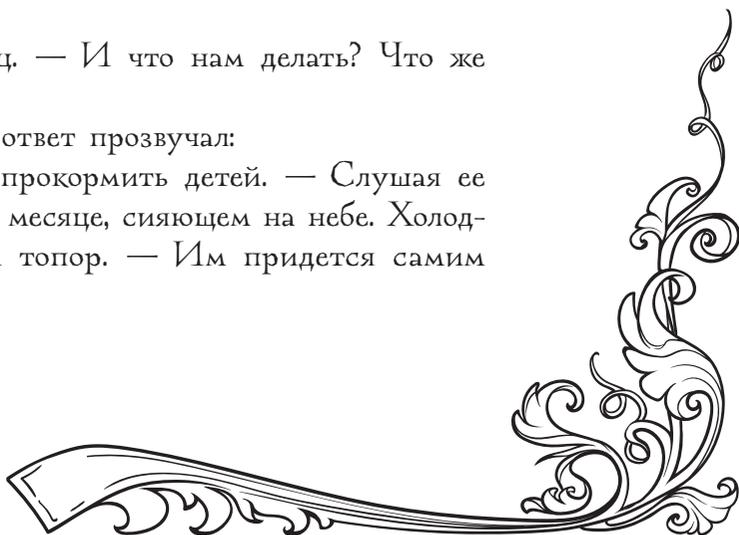
И вот — ее голос в темноте. Голос матери доносился из кухни:

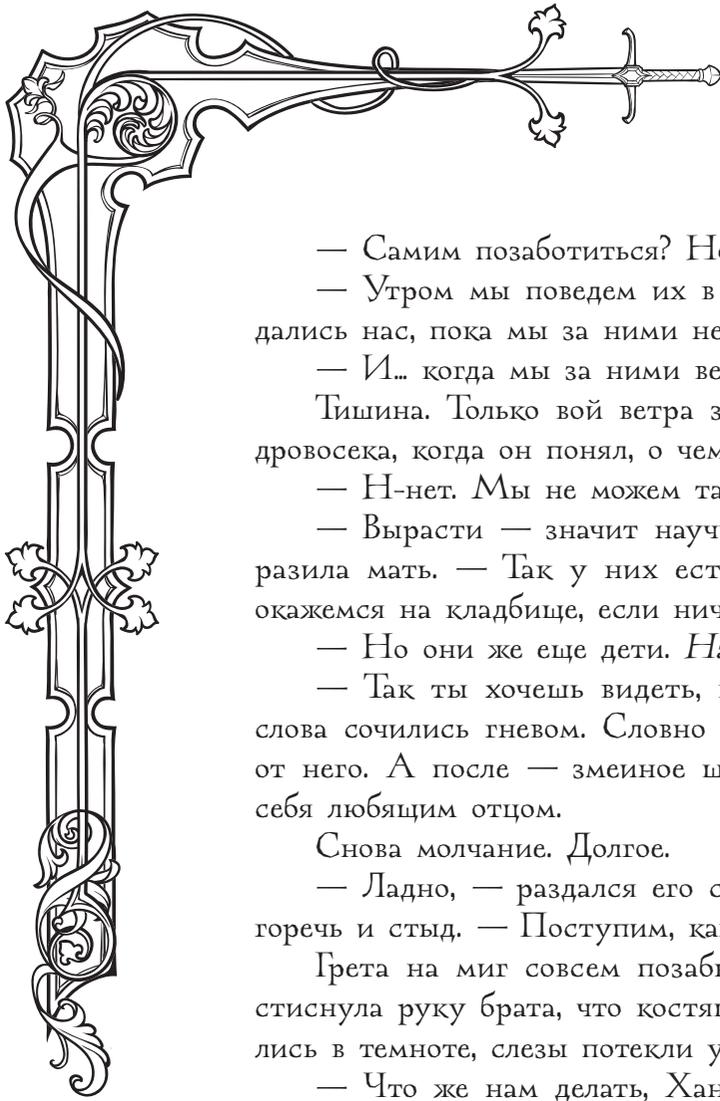
— Мы так больше не протянем. У нас нет денег, и нам нечего есть.

— Знаю, — отозвался отец. — И что нам делать? Что же нам делать?

Он не ожидал ответа. Но ответ прозвучал:

— Мы больше не можем прокормить детей. — Слушая ее холодный голос, Грета думала о месяце, сияющем на небе. Холодном и остром, как отцовский топор. — Им придется самим о себе позаботиться.

— Самим позаботиться? Но...

— Утром мы поведем их в лес и скажем, чтобы они дожидались нас, пока мы за ними не вернемся.

— И... когда мы за ними вернемся?

Тишина. Только вой ветра за окном. И испуганный всхлип дровосека, когда он понял, о чем говорит жена.

— Н-нет. Мы не можем так поступить. Мы...

— Вырасти — значит научиться заботиться о себе, — возразила мать. — Так у них есть хоть какой-то шанс. Мы все окажемся на кладбище, если ничего не предпримем.

— Но они же еще дети. Наши дети, и мы...

— Так ты хочешь видеть, как они умирают с голоду? — слова сочились гневом. Словно это страшное решение исходило от него. А после — змеиное шипение: — И ты еще считаешь себя любящим отцом.

Снова молчание. Долгое.

— Ладно, — раздался его сдавленный голос. В нем звучали горечь и стыд. — Поступим, как ты сказала.

Грета на миг совсем позабыла про голод. Она так крепко стиснула руку брата, что костяшки пальцев побелели и засветились в темноте, слезы потекли у нее по щекам.

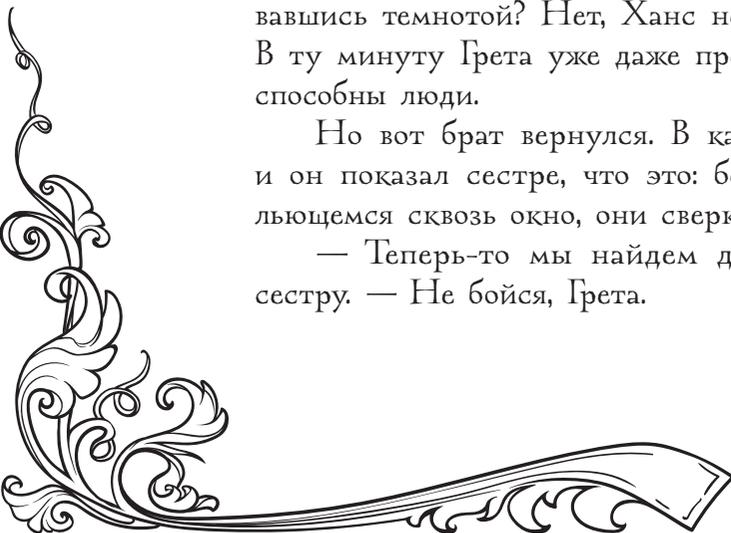
— Что же нам делать, Ханс? — всхлипывала она. — Они решили...

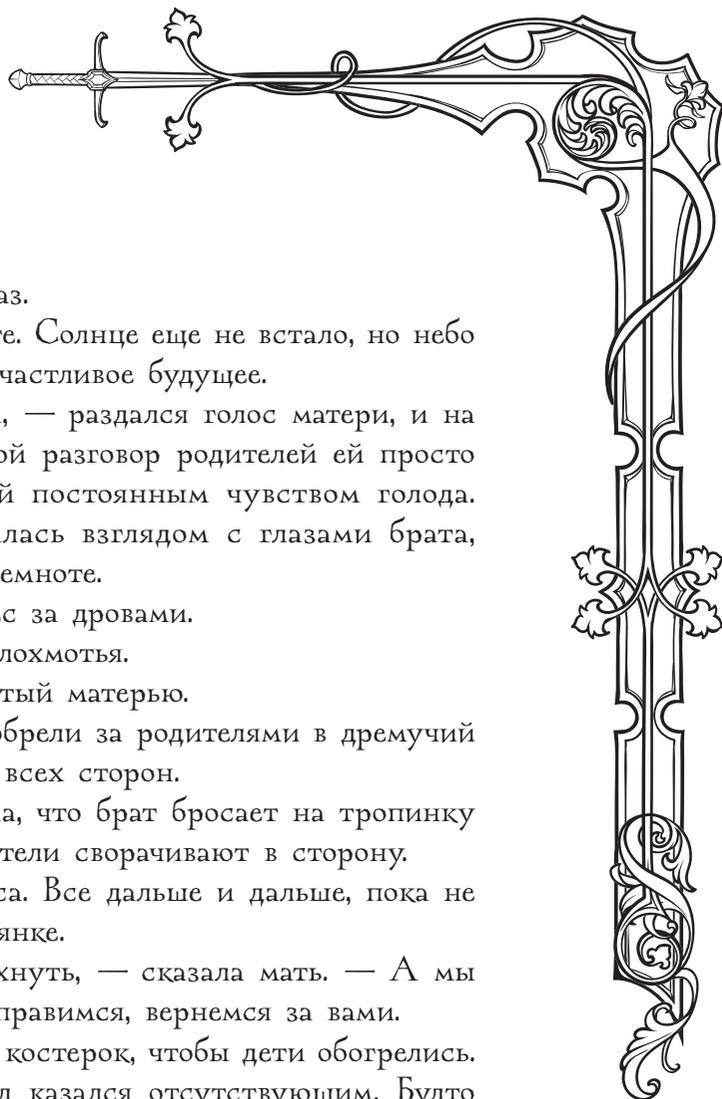
— Ш-ш-ш, — третий раз раздалось этой жуткой ночью, вонзающей в детей острые зубы голода и страха. — Я кое-что придумал.

Когда родители улеглись, Ханс выбрался из постели и выскользнул за дверь. Грета лежала в темноте, прислушиваясь: снаружи не доносилось ни звука, и ужасные мысли зашевелились у нее в голове. Неужели он сбежал? Бросил ее, воспользовавшись темнотой? Нет, Ханс не мог так поступить. Или мог? В ту минуту Грета уже даже представить себе не могла, на что способны люди.

Но вот брат вернулся. В карманах у него что-то гремело, и он показал сестре, что это: белые камешки. В свете месяца, льющемся сквозь окно, они сверкали, как чеканное серебро.

— Теперь-то мы найдем дорогу домой, — успокоил он сестру. — Не бойся, Грета.

Вскоре Ханс заснул.

Девочка же не сомкнула глаз.

Детей разбудили на рассвете. Солнце еще не встало, но небо над лесом стало розовым, как счастливое будущее.

— Пора вставать, лежебоки, — раздался голос матери, и на миг Грете показалось, что ночной разговор родителей ей просто приснился. Кошмар, вызванный постоянным чувством голода. Что же еще? Тут она встретилась взглядом с глазами брата, и надежда угасла, как свеча в темноте.

— Вставайте, мы идем в лес за дровами.

Молча натянули они свои лохмотья.

Молча взяли хлеб, протянутый матерью.

Молча вышли из дома и побрели за родителями в дремучий лес, плотно обступавший их со всех сторон.

Краем глаза Грета подмечала, что брат бросает на тропинку камешек всякий раз, когда родители сворачивают в сторону.

Они забирались в чащу леса. Все дальше и дальше, пока не остановились на небольшой полянке.

— Здесь вы можете передохнуть, — сказала мать. — А мы пока пойдем за дровами. Как управимся, вернемся за вами.

Отец молчал. Он разложил костерок, чтобы дети обогрелись.

Его глаза блестели, а взгляд казался отсутствующим. Будто в пламени костра он видел нечто, невидимое другим.

Родители ушли. Грета поближе придвинулась к костру, но его тепло не могло прогнать холод, поселившийся внутри нее.

— Прислушайся! — промолвил Ханс. — Слышишь?

Где-то поблизости раздавался стук отцовского топора. И Грета почувствовала, как ее тело размякло.

— Значит, они нас не бросили!

— Вроде нет, — пробубнил брат, вороша палочкой костер.

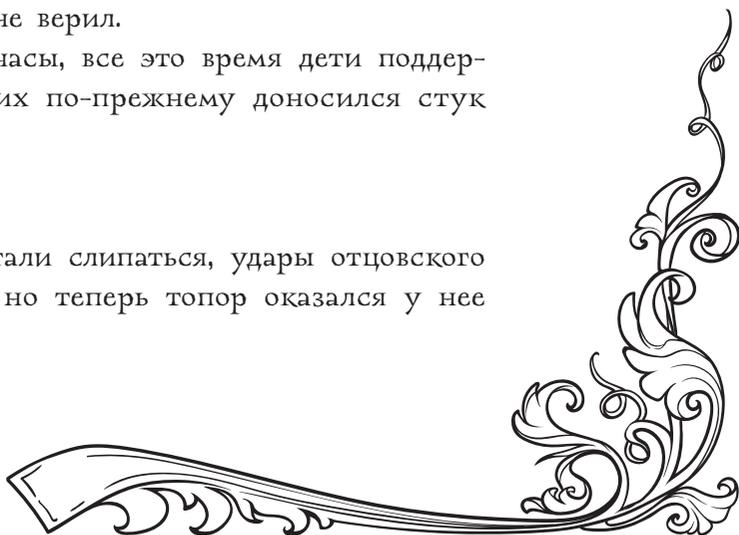
Но, похоже, сам он в это не верил.

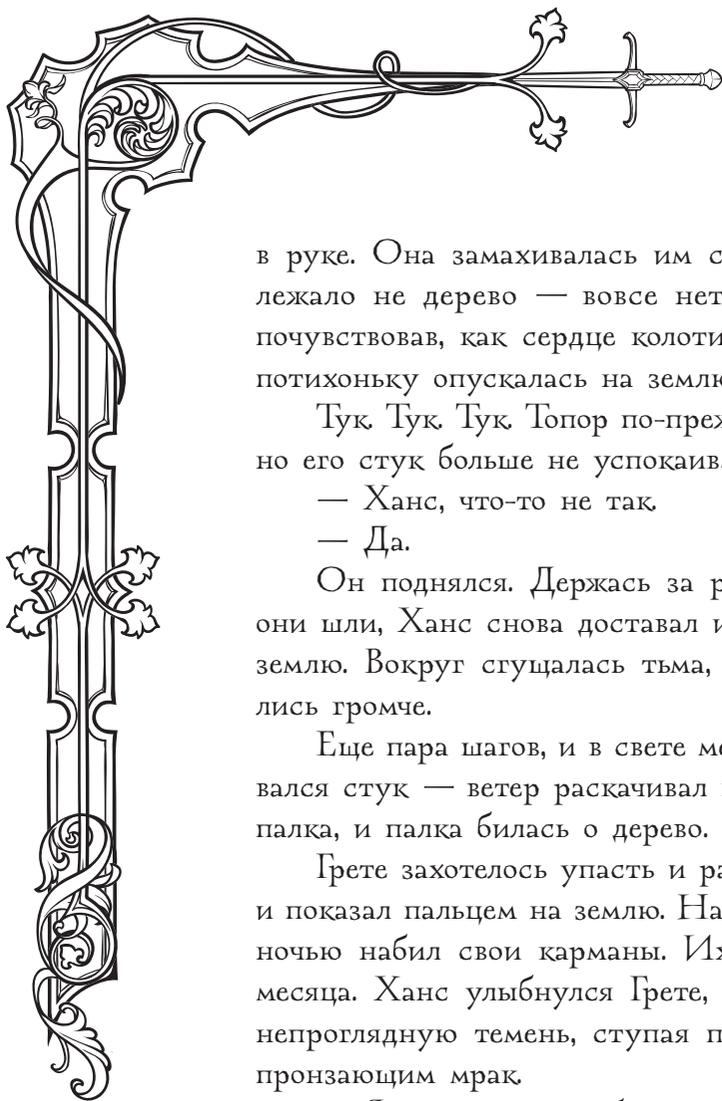
Минуты складывались в часы, все это время дети поддерживали огонь в костре. До них по-прежнему доносился стук отцовского топора.

Тук Тук Тук

Он рубил как бешеный.

Время шло, глаза Греты стали слипаться, удары отцовского топора перенеслись в ее сон, но теперь топор оказался у нее

в руке. Она замахивалась им снова и снова. Только перед ней лежало не дерево — вовсе нет — тут она резко проснулась, почувствовав, как сердце колотится, колотится, колотится. Мгла потихоньку опускалась на землю, было серо и холодно.

Тук. Тук. Тук. Топор по-прежнему рубил — совсем рядом — но его стук больше не успокаивал Грету.

— Ханс, что-то не так.

— Да.

Он поднялся. Держась за руки, дети пошли на стук. Пока они шли, Ханс снова доставал из кармана камешки и бросал на землю. Вокруг сгущалась тьма, удары топора впереди становились громче.

Еще пара шагов, и в свете месяца они увидели, откуда раздавался стук — ветер раскачивал ветку, к которой была привязана палка, и палка билась о дерево. Их обманули.

Грете захотелось упасть и разрыдаться, но брат подхватил ее и показал пальцем на землю. На камешки, которыми он прошлой ночью набил свои карманы. Их было отчетливо видно в свете месяца. Ханс улыбнулся Грете, и они пошли сквозь лес, сквозь непроглядную темень, ступая по камешкам, светящейся лентой пронзающим мраком.

— Я же говорил тебе, что мы непременно отыщем дорогу домой, — снова произнес Ханс. — Не бойся, Грета.

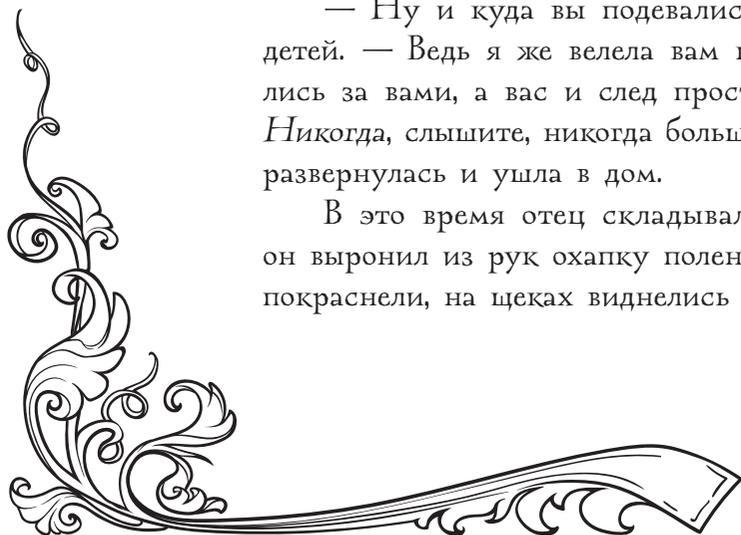
Но Грете все равно было страшно.

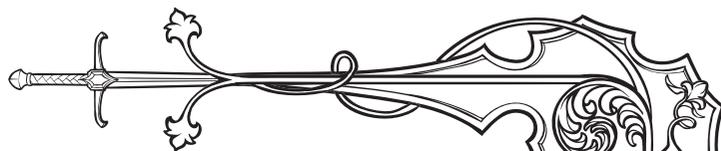
Они шли всю ночь и выбрались из леса, когда солнце уже взошло. Они устали и выбились из сил, но, завидев свой домишко, пустились к нему бегом.

Мать встретила их на пороге — она стояла, скрестив руки, а в глазах — удивление. Удивление и гнев.

— Ну и куда вы подевались? — принялась распекать она детей. — Ведь я же велела вам никуда не уходить. Мы вернулись за вами, а вас и след простыл. Мы всю ночь вас искали. *Никогда*, слышите, никогда больше так не делайте, ясно? — Она развернулась и ушла в дом.

В это время отец складывал дрова у сарая. Увидев детей, он выронил из рук охапку поленьев и будто окаменел. Его глаза покраснели, на щеках виднелись дорожки от слез.

— Слава Богу, — прошептал он, обнимая детей. Отец прижимал их к себе так сильно, что они ощущали стук его сердца. — Слава Богу.

И вот они снова были дома. Но страх так и не покинул Грету.

Прошло несколько дней. Никто в семье не заговаривал о случившемся. Будто ничего и не было. Но во мраке ночи снова раздался голос матери:

— Как они нашли дорогу домой, ума не приложу. Но тебе известно, что нам придется сделать. Придется завести их еще глубже, в самую чащу леса.

— Но они... они вернулись к нам, — голос отца. Слабый и прерывающийся. Потерянный. — Это знак. Господь милостив, он защитил их. И дал нам еще один шанс.

— Шанс? У нас не будет ни единого шанса, если мы не избавимся от детей. Тот, кого ты зовешь милостивым господом, просто медленно нас убивает, и мы оба это знаем. Ты болтаешь о каких-то знаках, но я вижу только один — пустую кладовую. Чаща завтра утром или топор сегодня ночью. Выбор за тобой.

— Пусть будет чаща, — прошептал отец. В голосе его не было слез. Однажды он уже простился со своими детьми, может, проститься второй раз не так болезненно?

— Мы справимся, Грета, — утешал Ханс. — Нам нужно только набрать побольше камешков.

И тут раздались шаги. Потом скрип — дверь затворили. И щелчок.

— О боже, — прошептала Грета. — Она заперла дверь. Что же нам делать?

Некоторое время Ханс молчал. Наконец, он заговорил:

— Не плачь, Грета. Я снова кое-что придумал.

На следующее утро их путь снова лежал в лес. Но перед этим...

— Ты не дала нам хлеба, — сказал Ханс. — Если вы снова надолго уйдете, как в тот раз, мы проголодаемся.

